

У Неисчерпаемого источника

Не зная дел людей,
нельзя понять и людей
иначе как... внешне.

В. И. Ленин

Когда уже после войны, во время учебы в театральном институте, я впервые увидел фильм «Ленин в 1918 году», он произвел на меня ошеломляющее впечатление. Ошеломляющее — помню совершенно точно. Я смотрел на Щукина¹ — и не видел артиста: верил, что это Ленин, что таким он и был. Много ленинских фильмов и спектаклей видено с того времени, но невозможно чем-либо заслонить первое впечатление от Щукина — Ленина, нельзя забыть создание великого артиста.

Если бы тогда, лет двадцать назад, кто-то сказал мне, что я сыграю в театре или в кино роль Ленина, я попросил бы его заняться более реалистическими прогнозами, мягко говоря. Кстати, в отношении театра я бы оказался прав: единственная роль в ленинской пьесе, которую довелось мне сыграть, был рабочий в картузке набок в «Третьей Патетической» Погодина². К моему счастью, в кино сложилось иначе...

Лет восемь назад в Саратов, где я работал в драматическом театре, приехала киногруппа, чтобы найти актера на роль Ленина в фильме «В начале века»³. И началось: «Давайте фотографию... Давайте загримируемся... Давайте сделаем кинопробу...» Потом утвердили на роль.

В картине Ленин был молодым — еще Владимир Ильич Ульянов. Только в конце появляется имя Ленина — Крупская⁴ читает подпись под статьей и спрашивает: «Ленин... Кто это, Володя?» — и Ленин отвечает: «Это я, Надя».

Фильм успеха не имел, но воспоминания о работе у меня остались светлые: первое исполнение роли Ленина, как первая любовь, — это незабываемо.

Второй картиной, где я играл роль Ленина, был телевизионный фильм «Сквозь ледяную мглу»⁵. Сценарий оказался очень не-

интересным — просто набор цитат — и явился первой причиной неудачи, а второй причиной оказался я сам, потому что сыграл плохо. Естественно, фильм не удался. Хотя не было явного провала (картина даже получила первую премию на фестивале телевизионных фильмов в Египте), но осталось чувство внутренней неудовлетворенности — оттого, что не сказал всего, что хотел.

Профессия актера вообще очень трудна и ответственна. Но задача артиста, которому предстоит воплотить образ Ленина, не сравнима ни с чем.

Если ты играешь какую-то роль в театре или в кино, то, бывает, иногда останавливаешься на полдороге к характеру, который создаешь. Разумеется, в любой работе необходимо стремиться к совершенству, но, если быть откровенным, не всегда это получается по тем или иным причинам — и объективного и субъективного плана. Однако актер должен играть всегда — таков неписанный закон.

Но, конечно, совсем другое дело, когда заходит речь о столкновении с таким человеческим материалом, как Ленин. Здесь ты понимаешь отчетливо, что какого-то половинчатого решения в воплощении образа, какой-то не вполне достаточной, что ли, отдачи в работе просто не может быть. Потому что личность Ленина настолько грандиозна, настолько всеохватна, настолько дорога каждому... Уж если взялись говорить об этом человеке, то надо находить особые слова, особое, собственное решение задачи. Чтобы это вот твоё настроение, биение твоего сердца обязательно находило отклик в зрительном зале. Нельзя, чтобы зал оставался равнодушным, безразличным, когда на экране Ленин.

Можно только позавидовать художнику, сумевшему глубоко и проникновенно воплотить в кино и театре образ Ленина.

Что касается моих личных впечатлений, то я уже сказал о первом потрясении от игры Щукина. Много позже, когда я увидел Максима Штрауха⁶ в «Рассказах о Ленине» — в новелле «Последняя осень» особенно, — он меня тоже поразили каким-то глубочайшим проникновением в характер великого человека. Поразили и тронул до слез. Я смотрел и думал: «Вот это да!»

Я очень люблю Бориса Смирнова⁷ — в МХАТе он играет Ленина в «Третьей Патетической», с моей точки зрения, грандиозно. Главное, артист несет со сцены *масштаб личности* вождя. Я вижу, что его, артиста, внимание постоянно сосредоточено на том, чтобы передать гений Ленина, и все приемы, которыми он пользуется, точно бьют в цель.

Всегда бываешь благодарен и признателен художнику за какое-то открытие, сделанное *для тебя*, за откровение. И вот

таким открытием, таким откровением после работы Щукина была для меня игра Штрауха и Смирнова.

Эти и другие мысли приходили мне в голову, когда, снявшись в двух фильмах в роли Ленина, я мечтал о возможности сыграть вождя на сцене и не играл его — мне такой задачи просто не поручали. Легко представить мое состояние: многое не высказано, а возможности досказать нет. Казалось бы, возможности сыграть еще раз роль Ленина можно было только обрадоваться. Но было не так.

Как-то меня спросили: «Что думает актер, сыгравший Ленина в двух неудачных фильмах и получивший еще один сценарий о Ленине — на этот раз удачный?» Корреспондент, наверное, думал, что я пришел в восторг. А ведь я испугался. Только надо понять меня правильно...

Сценарий «Шестое июля» показался чрезвычайно интересным. Читая его, поражаешься, как же мог Ленин вынести на своих плечах такую гигантскую ношу. Всю колоссальную ответственность за судьбу страны, народа. Забегая вперед, скажу, что, знакомясь с материалом в процессе подготовки к фильму, работая над картиной, я не переставал удивляться этому человеку. Он, конечно, как писал Маяковский⁸, самый земной из всех прошедших по земле людей. Но каким же образом этому земному человеку удалось вынести *вот такое*? До сих пор я до конца не могу этого понять.

Ну а тогда настолько все описанное в сценарии показалось масштабным — жизнь Ленина в событиях того дня, шестого июля... настолько я показался себе мало вооруженным — технически, человечески — как угодно, что страшно было взяться за роль...

В общем, первая реакция была такая: отказаться. Я так и сказал Карасику⁹:

— Юлий Юрьевич, я не справлюсь. Я играл молодого Ленина. В тех двух фильмах мы больше апеллировали к его человеческим качествам и чертам характера, а здесь — вот какая глыба во весь рост предстает. События настолько грандиозны... Нет, я не потяну. Попробуйте другого артиста — он справится, и назвал Карасику артиста...

Ну, на пробу меня уговорили, а после проб пришло ощущение, что все может стать на место при громадной и углубленной работе. Не скрою, подхлестывало еще и желание досказать об этом человеке все, чего не успел сказать раньше...

Здесь все обещало хороший фильм, потому что не только сценарий был хороший — режиссер Карасик очень точно почувствовал, уловил суть и дух времени и открыл для меня новый взгляд на образ Ленина и на его отражение средствами кино. Меня это очень

заинтересовало и взволновало, и я пошел за Юлием Юрьевичем Карасиком. Было все — и споры, и прочее, без чего нет творчества, но мы знали главное: цель выбрана точно.

И тогда началось изучение материала, обстановки тех дней.

Известно, это лето 1918 года было сложнейшим и труднейшим для жизни страны. Понять события первого года революции — такова была моя первая задача, без этого просто нельзя было понять роль Ленина в событиях 6 июля. А значит нельзя сыграть. Потому что Ленин *жил этим*, вся его жизнь была подчинена его делу — каждая минута. И ощущение событий тех дней мне надо было сделать абсолютно своим, собственным *человеческим* ощущением, чтобы понять: *чем этот день был для Ленина*.

О Владимире Ильиче написано много прекрасных страниц, но Ленина можно понять и почувствовать до конца, только читая произведения, написанные им. Не мной первым сказаны эти слова, но я на себе понял их правоту.

Однако мало прочесть труды Ленина. Актерская жизнь такая: нам глазами прочесть мало, мы должны сделать ленинскую мысль *своей, кровной*. Могу сказать, что мне очень помогла работа «Очередные задачи Советской власти», где Ленин писал, что в каждый момент надо найти то особое звено в цепи событий, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь. Это высказывание — ключ для актера, исполняющего роль вождя в фильме «Шестое июля».

Ведь в картине — цепь событий, которая непрерывно рвалась. И задачей Ленина были беспрестанные поиски единственно верного звена, чтобы, ухватив его, удержать всю цепь. На обсуждениях картины зрители иногда спрашивают: чем объясняется, что нет привычных уже по другим работам ленинских жестов?

Каждое время диктует свое понимание того, как надо играть Ленина. И наше время тоже диктует свое понимание — *сегодняшнее*.

Поэтому мы с Ю. Ю. Карасиком решили сознательно отказаться от всех, ставших уже традиционными для театра и кинематографа жестов, поз, поворотов головы, походки; от грассирования и прочего. Мы должны были показать главным образом, так нам представлялось, *масштаб личности* этого человека, масштаб и движение ленинской мысли, ничем не отвлекаясь, сосредоточив все внимание на внутренней жизни Ленина.

Заговорив о реакции зрителей, не могу не вспомнить, как после одного просмотра мы услышали: «Хорошо... Только юмора, знаете ли, маловато...» Что и говорить, юмора маловато, но ведь день-то какой — 6 июля. Поэтому очень дороги мне слова критика А. Караганова¹⁰, который в журнале «Искусство кино» писал,

что Каюров играет не вообще Ленина, а Ленина конкретного исторического момента.

Конечно же. Как можно сыграть Ленина «вообще»? Его жизнь состояла из его мыслей, из его дел, которые концентрировались в том или ином часе, дне, периоде. И все настроение, весь поворот, движение мысли, дела Ленина были подчинены этим событиям, этому времени.

Я извиняюсь за цитаты, но мимо них не пройдешь: всегда интересуешься тем, как оценивают люди то, что ты создал, — мы же ради этого работаем и живем.

Мне довелось прочитать в газете «Вечерний Баку» очень тонкую и умную рецензию М. Пейзеля¹¹, где написано: такой день, как 6 июля, выпавший на долю Ленина, унес, вероятно, у этого человека не один год жизни, а разве мало было в его жизни таких дней? Рецензент очень точно почувствовал то, что хотелось нам сказать.

Конечно, жизнь Ленина чрезвычайно оптимистична — по целенаправленности своей, по духовному и физическому здоровью, по вере в идеалы — по всему. Грандиозного оптимизма личность! Но наряду с этим в его жизни существовали и трагические минуты, часы, дни. День 6 июля 1918 года был одним из таких дней, и нам хотелось приоткрыть вот эту грань в личности Ленина.

Когда вместе со всеми смотришь фильм, то видишь, что день жизни великого вождя находит какое-то возвышенное сопереживание в зрительном зале... Во всяком случае, так мне несколько раз казалось.

Поверьте, сознавать это — счастье, выше которого нет ничего...

